

УДК 821.161.1

**ПОВЕСТЬ А. ЖИТИНСКОГО «ВНУК ДОКТОРА
БОРМЕНТАЛЯ» КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
КОМПОНЕНТ «БУЛГАКОВСКОГО ТЕКСТА»***Т.Б. Васильева-Шальнева***Аннотация**

Целью статьи является раскрытие одной из составляющих литературного явления «булгаковский текст». Повести М. Булгакова «Собачье сердце» (претекст) и А. Житинского «Внук доктора Борменталья» (сиквел) исследуются с использованием сравнительно-сопоставительного и типологического методов. Это позволяет раскрыть палимпсестную природу повести А. Житинского, выявить социокультурный план и игровую стратегию миромоделирования в произведении. Результатом исследования является вывод о наличии в сиквеле аннигиляции устойчивых понятийных блоков, трансформирующей наполнение внешних и внутренних атрибутов быто-бытийных доминант применительно к новому временному контексту.

Ключевые слова: интертекстуальность, сиквел, спин-офф, концептуализация, игровая диалогическая стратегия, интенция.

Знаковым компонентом современной русской литературы является феномен интертекста, который проявляется в форме явного или скрытого диалога произведений второй половины XX – начала XXI в. с классическими претекстами (известны «пушкинский», «гоголевский», «чеховский» тексты, «текст Достоевского»). На сегодняшний день принято говорить и о существовании «булгаковского текста». Вопросам «булгаковского текста» посвящены диссертационная работа З. Харитоновой «Формы диалога с М.А. Булгаковым в современной отечественной прозе (1980-е – 2000-е годы)», монография О. Богдановой «Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX в. – начало XXI в.)», исследование автора данной статьи «Мифологизация “претекста” в романе В. Куликова “Первый из первых, или дорога с Лысой горы”» и некоторые другие работы. Однако следует отметить, что заявленная проблема находится в настоящий момент в стадии разработки: расширяется корпус рассматриваемых текстов, концептуализируются историко-философские и культурологические аспекты их изучения, углубляются и конкретизируются формы и приёмы диалога произведений современной литературы с претекстами. Этими факторами определяются новизна и актуальность данного исследования.

Булгаковский интертекст в той или иной форме проявляется во многих произведениях русской литературы второй половины XX – начала XXI вв.: в романах А. и Б. Стругацких «Отягощённые злом», «Хромая судьба», В. Пелевина «Чапаев и Пустота», в повестях Э. Рязанова «Предсказание», Г. Щербаковой

«Косточка авокадо» и др. «Булгаковский текст» присутствует в них на различных уровнях: проблемно-тематическом, жанровом, стилистическом. Исследовательница З. Харитоновна отмечает следующие функции диалога современных авторов с Булгаковым: «– философская или метафизическая (авторы размышляют о вечных человеческих ценностях, способных противостоять историческим “бурям”, о диалектике добра и зла, о природе истинной любви); – моделирующая (сопрягающая в плоскости особого мироощущения фантастику и реальность); – структурирующая (полифонизм, множественность точек зрения), позволяющая оценить то или иное явление с разных сторон» [1, с. 22].

Особое место в явлении «булгаковского текста» занимают произведения-сиквелы (англ. *sequel* – продолжение). Сиквелами являются два романа, «продолжающие» роман «Мастер и Маргарита»: «Возвращение Воланда, или Новая дьяволиада» В. Ручинского (1993), «Первый из первых, или Дорога с Лысой горы» (1995) В. Куликова (1995), а также повесть А. Житинского «Внук доктора Борменталья» (2000), «продолжающая» повесть М. Булгакова «Собачье сердце». Именно исследование произведения А. Житинского в аспекте его игровых диалогических связей с претекстом и является целью данной статьи.

Опираясь на имеющиеся в современном литературоведении теоретические разработки, мы определяем специфику повести А. Житинского как сиквел с элементами спин-оффа (англ. *spin-off* – раскручиваться). Первоначально данный термин использовался в экономической науке; применительно к искусству под спин-оффом понимается «“дочерний” сериал, который является сюжетным ответвлением от основного. Сюжеты вышеуказанных сериалов могут пересекаться с сюжетом основного сериала либо не иметь ничего общего, кроме персонажей, с основным “материнским” сериалом» [2]). По отношению к художественному тексту (по аналогии) спин-офф обозначает произведение, в котором основными персонажами являются такие, которые ранее фигурировали в претексте в качестве второстепенных. Повесть А. Житинского сюжетно продолжает произведение М. Булгакова «Собачье сердце», и в системе образов, действительно, важное место занимают персонажи, ранее фигурировавшие в претексте. Но повесть «Внук доктора Борменталья» – это не спин-офф в чистом виде, так как второстепенные (Швондер) или эпизодические (Дарья Степановна) герои повести «Собачье сердце» не становятся в произведении А. Житинского главными. Таким образом, более точно можно определить повесть А. Житинского как сиквел-спин-офф оригинального сюжета.

Повесть А. Житинского представляет собой произведение постмодернистского типа, реализующего игровую интертекстуальную стратегию миромоделирования, в контексте которой ведущим смыслоформирующим принципом выступает диалог с претекстом, а структурообразующим приёмом является вариативность. В этом плане вполне обоснованным представляется определение повести А. Житинского как произведения «палимпсестного характера» [1, с. 14]. В древности понятием *палимпсест* (греч. *palimpseston* – вновь соскобленный) «обозначалась рукопись, написанная на пергаменте, уже бывшем в подобном употреблении. Из экономии материала старый текст соскабливали и писали на его месте новый. Процедура соскабливания далеко не всегда была идеальной, поэтому слабо выраженные (еле заметные) фрагменты или отдельные буквы

старого текста (или изображения) в некоторых случаях просматриваются под новым. <...> В современных арт-практиках принцип палимпсеста часто используется в качестве сознательного художественного приёма» [3]. С этой точки зрения повесть А. Житинского написана как бы «поверх» повести М. Булгакова, поэтому она представляется двухслойной: за современным текстом постоянно ощущается, «просвечивает» исходное произведение, что определяет игровой, сравнительно-сопоставительный вектор функционирования повести А. Житинского в читательском восприятии. Возможность сравнения наблюдается на всех уровнях структурно-семантической организации произведения (художественное время и пространство, лейтмотивная структура, система образов-персонажей, сюжетно-композиционное своеобразие, а также смысловые комплексы произведения).

В повести М. Булгакова художественное время определяется как середина 20-х годов XX в. (в тексте отражены специфические приметы успешных результатов внедрения в систему хозяйствования новой экономической политики, но в то же время в произведении важное место занимает знаковый монолог профессора Преображенского о разрухе). Сюжет повести А. Житинского перенесён в 90-е годы XX в. В произведении фиксируются социально-политические события различной степени значимости, происходившие в перестроечной России (например, отставка Э. Шеварднадзе с поста министра иностранных дел (1990), президентство Б. Ельцина (1991–1999)). Этот период характеризуется в повести однозначно – время разрухи и морального разложения: «По каждому лицу перестройка проехала гусеничным трактором, каждая маленькая победа запечатана большим поражением, у человека осталась одна надежда – ждать, когда кончится всё это. Или когда человек кончится...»; «Живём собачьей жизнью... И не потому она собачья, что колбасы не хватает, а потому, что грызёмся, как свора на псарне» (Ж). А. Житинский подчёркивает значимые детали этого времени: дефицит продуктов (когда Дмитрию Борменталю удаётся принести домой кочан капусты, он испытывает гордость и счастье от такой удачи), очереди за водкой, совсем не отапливаемый транспорт. Находят отражение и отдельные социально-экономические и политические процессы, например: бестолковая и незаконная приватизация; создание новых форм хозяйствования (кооперативов), для открытия которых требуется знать действенные преступные схемы работы с соответствующими органами власти; бесконечные бессмысленные митинги и т. д. Символическим воплощением страшного времени, всепоглощающей деградации, социального (а также онтологического) хаоса выступает в произведении мотив метели (подобный мотив актуализирован и в повести «Собачье сердце»).

Художественное пространство в повести А. Житинского (деревня Дурыныши) более локализованное по сравнению с Москвой – топосом, организующим повесть М. Булгакова. Название деревни относится к числу «говорящих», семантически значимых: местные жители злобны, жестоки, агрессивны, не способны ни к какой созидательной деятельности, погружены в беспробудное пьянство. В этом смысле можно отметить, что в повести А. Житинского, как и в «Собачьем сердце», важное место занимает мотив наследственности, генетической памяти (Вспомним эпизод, когда Преображенский оценивает злоупотребление

Шариковым спиртным как предрасположенность к алкоголизму, детерминированную генами Клима Чугункина. В Дурынышах же проживают потомки Шарикова, его внуки и правнуки, следовательно, новые носители плохой наследственности.)

Сюжет повести «Внук доктора Борменталья», как свидетельствует заглавие, актуализирует образ доктора Ивана Арнольдовича Борменталья, ассистента профессора Преображенского, гениального хирурга, сделавшего уникальную операцию, побочным результатом которой явилось очеловечивание собаки. В повести А. Житинского точно, порой слишком сжато восстановлены биографии профессора Преображенского и его ассистента доктора Борменталья после повторной операции (финал «Собачьего сердца»). Так, Борменталь был арестован по доносу Швондера и посмертно реабилитирован в 1959 г. При этом в повести А. Житинского важен мотив благородства профессии врача (сравним с «рыцарством» Преображенского), проявляющийся в том, что внук Борменталья добросовестно лечит Швондера, виновного в смерти его деда, от артроза. Профессору Преображенскому была выделена лаборатория для исследований, в Дурынышах он проживал как опекун детей Шарикова, видимо, поэтому ему не только сохранили жизнь, но и после смерти его удостоили памятника с надписью «От советского правительства».

Сюжетно-событийный ряд повести А. Житинский строит через эпизод нахождения дневника доктора Борменталья его внуком, тоже врачом, Дмитрием Генриховичем Борменталем. В субъектной организации повести А. Житинского образ внука доктора Борменталья задействован в реализации приёма остранения¹, тем самым он функционально синонимичен образу Шарика из произведения М. Булгакова. Внук доктора Борменталья, подобно псу Шарик в повести Булгакова, объективен в оценке происходящего. Показательно, что оба произведения открываются внутренними монологами вышеназванных персонажей, в которых демонстрируется их недовольство жизнью: У М. Булгакова: «У-у-у-у-у-гу-гу-гуу! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал» (Б); У Житинского: «...У-у, как надоела эта жизнь! Словно мчишься по тоннелю неизвестной длины. А тебе ещё палки в колёса вставляют. Впрочем, почему тебе? Нам всем вставляют палки в колёса» (Ж).

Дмитрий Генрихович Борменталь работает врачом в больнице деревни Дурыныши; являясь порядочным интеллигентным человеком, Борменталь честно выполняет свой профессиональный долг, хотя внешние обстоятельства не благоприятствуют этому (например, отсутствуют элементарные условия для работы: в больнице так и не проводится капитальный ремонт, необходимость в котором очевидна давно, предыдущий заведующий получил инфаркт, добиваясь решения этого вопроса). Образ не столь однозначен по сравнению с образом претекста: с одной стороны, Борменталь предпочитает ни во что не вмешиваться, является в некоторой степени носителем обывательской психологии (в то время

¹ Этот приём, как известно, был сформулирован В. Шкловским в его работе «Искусство как приём»: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приёмом искусства является приём “остранения” вещей и приём затруднённой формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимчивый процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлён» [4].

как его дед обладал активной жизненной позицией), с другой стороны, он, как и дед, талантлив и честолюбив: «Они еще услышат о Борментале!» (Ж).

Получив возможность прочитать дневник и тем самым удостовериться в подлинности информации о возможности проведения операции по очеловечиванию животного, Дмитрий Борменталь решает повторить опыт профессора Преображенского, результат которого оказывается блестящим: появляется новый человек, который позднее станет именоваться Василием Дружковым. В конечном итоге внук доктора Борменталья оказывается одним из немногих людей в Дурынышах, способных понять и принять те нововведения, которые осуществляет его подопечный. Понимая обречённость Дружкова как гетерогенного существа (лидер-созидатель среди способной лишь к агрессивному разрушению массы), Борменталь приходит к мысли о единственном гуманном решении его судьбы: сделать повторную операцию (в этом плане сюжетно-композиционная модель повести А. Житинского идентична булгаковской). Однако финал произведения «Внук доктора Борменталья», в отличие от повести М. Булгакова, однозначно трагичен: Дружок (собака) был застрелен при попытке дочери Борменталья освободить его.

Образ Дружкова, безусловно, семантически антонимичен образу Шарикова (в то же время «зооморфные варианты» образов – Дружок и Шарик – синонимичны). Оба (и Шариков, и Дружков) являются своего рода экспериментальными существами, возникшими в результате идентичных операций; в обоих случаях важен мотив очеловечивания. Однако если функционирование образа Шарикова определяется мотивами внутренней деградации (по отношению к экспозиционному уровню образа) и разрушения по отношению к явлениям внешнего мира, то функционирование образа Дружкова реализуется через использование мотивов внутренней эволюции и внешнего созидания.

Фамилия «Дружков» акцентирует его дружелюбие, стремление преодолеть всеобщее озлобление, можно сказать, одичание, озверение. Обратим внимание на тот факт, что донор органов для Дружкова остался неизвестен, поэтому, с одной стороны, можно предположить, что это был замечательный во всех отношениях человек, и тогда вновь актуализируется идея генетической предрасположенности развития личности, определяющая концепцию повести М. Булгакова. С другой стороны, Дмитрий Борменталь в своих рассуждениях подчёркивает, что в Дружкове, скорее всего, просто победили собачьи, а не человеческие гены. Смысловая градация семантической пары *человек – зверь* в контексте этих рассуждений представляется нам подчёркнуто акцентированной.

Дружкову, в отличие от Шарикова, незачем кичиться своим «пролетарским происхождением», он из числа тех, кто делает себя сам. Он основал кооператив «ФАСС», стал помогать бездомным собакам, предложил жителям деревни работать в его кооперативе (стать проводниками для собак), дал собакам возможность служить (зарабатывать деньги, в том числе и в иностранной валюте). Кроме того, Дружков решил многие социальные проблемы: отремонтировал больницу, организовал приличную столовую, смог приватизировать деревенский магазин и значительно разнообразить его ассортимент. Были у него и ещё более перспективные, масштабные планы.

Но прямо пропорционально доле созидательных дел Дружкова усиливалась ненависть к нему со стороны местных жителей, предпочитающих полупьяный и бездельный образ жизни. На сюжетном уровне их неприятие нововведений Дружкова демонстрируется постоянным столкновением с собаками (собаки в подобных эпизодах выглядят умными и благородными, а люди, соответственно, характеризуются прямо противоположными качествами). Дружков пытался примирить собак и людей, ведь в своём личностном становлении он в определённый период достигает уровня осознания духовно-нравственных ценностей: «Не надо никого осуждать. Я тут недавно одну книгу прочёл. Хорошая книга. Там написано: “Не судите да не судимы будете”» (Ж). Евангельские истины оказались близки бывшей собаке, но абсолютно чужды людям естественного, природного происхождения: убийство Дружка предваряется страшной бойней сотен собак.

Нам представляется, что в образе Дружкова, точнее в его мировоззрении и мироощущении, в определённой степени преломляется теория С.С. Уварова, изложенная им в докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1833 г.): «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных: 1) Православная вера, 2) Самодержавие, 3) Народность» [5]. Выше мы уже отметили наличие в Дружкове открытости к принятию постулатов веры. Кроме того, Дружков стремится сохранить самобытность, хочет остаться, как он выражается, «собакой по национальности» (народность в теории С.С. Уварова как раз и заключалась в осознании и утверждении национальной самодостаточности, имманентности России по отношению к чужеродным влияниям). И, наконец, «монархический дискурс» в сознании Дружкова фиксируется через акцентирование в нём законопослушания и приверженности к выстроенной иерархии власти: «– Он не человек, он Президент, – упрямо проговорил Дружков. – Я его знать не знаю, впервые вижу, телевизоров не смотрел. Я бродячим был, в стае... У нас вожака все уважали. Нет уважения к вожаку – нет стаи. А любить его или не любить – дело личное. <...> – Дело в том, Василий, что мы не в стае живём, а в обществе. Боремся за права личности. А вы пытаетесь навязать нам тоталитарные или монархические взгляды, – Марина неожиданно перешла на “вы”. – Это я не понимаю. А вожак есть вожак. Если я собачьего вожака уважал, то и людского буду» (Ж).

Образ Дружкова обладает и иным смысловым наполнением: в плане деятельности он представляет собой нового человека, то есть того, кто лишён устоявшихся стереотипов поведения, блокирующих свободу принятия решений в исключительных обстоятельствах (общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в России именно исключительна). Атрибутивными характеристиками Дружкова являются гибкий ум, сильная воля и аксиологический прагматизм. Поэтому он успешен, а потенциально практически непобедим. Кроме того, А. Житинский включает в парадигму его характера исключительно позитивное, как нам представляется, свойство – способность к эмпатии.

Это осознанное сопереживание эмоциональному состоянию другого человека при полном понимании внешней природы его происхождения явственно демонстрируется в ситуациях общения Дружкова со Швондером, которого Дружков по-человечески жалеет и, понимая невозможность для старика принять новые условия жизни, по-своему ограждает от бессмысленных переживаний и разочарований.

Образ Швондера занимает важное место в системе образов-персонажей как повести «Собачье сердце», так и повести «Внук доктора Борменталья». Можно сказать, что этот образ остаётся неизменным. Возраст отражается только на физическом состоянии Швондера (старый и больной). Жизненные принципы Швондера – уравниловка и неуважение к личности – сохраняются. В повести М. Булгакова он являлся идеологом Шарикова, его своеобразным «духовным отцом». Швондер фактически уравнивал в социальных правах профессора с мировым именем и вчерашнего дворового пса («Документ – самая важная вещь на свете» (Б)). Документ превращает Шарика в Полиграфа Полиграфовича, даёт ему возможность стать начальником подотдела очистки, то есть быть полноправным членом человеческого общества. Но Швондер не понимает, что, опекая Шарикова, он сам себе роет могилу. Профессор Преображенский совершенно справедливо замечает: «...Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. ...Если кто-нибудь, в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки» (Б). Функция образа Швондера в повести М. Булгакова – вскрыть истинную природу социальной системы, которую он олицетворяет, и показать, что для того чтобы быть полноправным членом этой системы, вполне достаточно иметь физический облик человека.

Образ Швондера в повести А. Житинского, как мы уже отметили, полностью идентичен булгаковскому. Можно сказать, что в контексте новой ситуации он даже в чём-то трогателен, потому что остаётся верен своим идеалам. Так, Швондер ведёт очень скромный образ жизни: «Они прошли тёмным коридором и вошли в комнату, поражающую аскетизмом. Железная крашенная кровать, заправленная по-солдатски тонким одеялом, рядом грубая тумбочка. В изголовье кровати, на стене висел портрет Дзержинского» (Ж). Кроме того, возраст Швондера, его болезненность, одиночество заметно редуцируют тот эмоциональный негатив, который вызывает данный образ. В повести А. Житинского Швондер умирает от сердечного приступа, спровоцированного правдой о Дружкове. Жалея старика, проникшегося к нему особой симпатией и чувством доверия (Швондер считает, что Дружков – своеобразная «реинкарнация» его друга Полиграфа Шарикова), Дружков демонстрирует понимание его политических взглядов и лояльность к ним, хотя, конечно же, их не разделяет. Правда о Дружкове (предприимчив, безыдеен, богат) убивает старика. Кстати, истинные сведения о Дружкове сообщает Швондеру жена Борменталья Марина, идеологически подкованная, агрессивная в плане выражения своей политической позиции, эмансипированная: «Митя, ты слышал? Шеварднадзе ушёл! – сказала она с надрывом. – От кого? – беспечно спросил Борменталь. – От Горбачева! – Ну, не от жены же... – Представляешь, что теперь будет <...> Дмитрий не слушал. Принесённый кочан волновал его воображение. Он прикидывал, как уговорить

Марину приготовить из этого кочана что-нибудь вкусное. Жена Борменталья к кухне относилась прохладно» (Ж). Образ Марины, второстепенный в системе персонажей повести, является, на наш взгляд, однотипным продолжением смыслового вектора, заявленного образом Швондера, его своеобразной «женской ипостасью».

Рассматривая сюжетно-композиционное своеобразие повестей М. Булгакова и А. Житинского, отметим, что оно связано с реализацией внутренне оппозиционных бинарных мотивов разрухи/созидания и очеловечивания/одичания. Сюжет фантастического допущения в произведении А. Житинского (как и в случае с повестью «Собачье сердце») позволяет глубоко и всесторонне раскрыть авторское понимание феномена нового человека. Для 20-х годов XX в. новый человек – это человек, получивший власть по праву социального происхождения, принадлежности к пролетариату как господствующему классу, осознающий себя хозяином жизни и соответственно себя проявляющий. Шариков не обладает ни одним положительным качеством, и все его поступки носят исключительно негативный, разрушительный характер (хамское отношение к людям, донос на профессора Преображенского, работа в кооперативе по отстрелу собак и т. д.). Дружков – новый человек 90-х годов XX в. Он не претендует ни на какое политическое влияние, видя свою задачу в выполнении конкретных дел, позволяющих улучшить жизнь обычного человека (и, конечно же, собак), создать для него (для них) приличные условия для работы и отдыха. Дружков действует по принципу: что не запрещено, то разрешено. Он умело строит свои отношения с людьми, от которых зависит его деятельность, обладает способностью уходить от конфликтных ситуаций, предпочитая заниматься делом, которое представляется ему действительно нужным. Гибель Дружкова predetermined, так как он один пытается изменить сложившийся уклад жизни. Перспектива осуществления преобразований в стране определяется А. Житинским как возможная при условии многочисленности желающих и способных эти реформы совершать. (На сюжетном уровне данная перспектива обозначается предложением Дружкова Борментально очеловечить как можно больше собак, превратив их в трудолюбивых и порядочных людей).

Образы собак и людей в повести являются антиподами. Агрессивные, злобные и почти всегда занятые либо приобретением, либо распитием горячительных напитков – такими предстают жители Дурынышей. А о собаках Дружков справедливо говорит, что ещё никто не видел пьющую, курящую или ругающуюся собаку («...Ты видел хоть одного пса, который курит, пьёт и матерится?» (Ж)). Подобного рода противопоставление заявляет смысловую оппозицию *человек – животное*, которая является частью более сложной оппозиции *человек – мир*. С тех пор как человек выделился из мира природы и осознал это, он как биологическое существо был вынужден приспособливаться к условиям этого мира, понимая и принимая его враждебность по отношению к себе. Данной враждебности человек противопоставил два собственно человеческих способа выживания (цивилизацию и культуру). Такова традиционная, отражённая в культурологии точка зрения.

В повести А. Житинского, как видим, оппозиция *человек – животное* наполнена противоположным смыслом: носителем идей культуры и цивилизации становится именно животное (очеловеченное). Исключением в данном плане можно считать образы интеллигенции, однако если в повести М. Булгакова Преображенский и Борменталь действительно соответствовали статусу интеллигентного человека, то у А. Житинского интеллигенция либо «воюет» (Марина), либо «выживает» (Катя), либо уходит в свой мир (эскапизм), что (в некоторой степени, конечно) демонстрируется в образе внука доктора Борменталья. В повести А. Житинского, таким образом, носителем идеи культуры и цивилизации является только очеловеченный пёс (Дружков). Не случайно в обоих произведениях лейтмотив собачьего сердца является исключительно значимым. Этот мотив обладает амбивалентной семантикой, в повестях М. Булгакова и А. Житинского как раз и реализуются его противоположные смысловые векторы. Семантика образа собаки связана с категориями верности, преданности, доброты. Однако в Средние века образ собаки являлся символом палачества. В Западной Европе эмблему собаки приняли католические монахи-доминиканцы, безжалостно искоренявшие «альбигойские» ереси на юге Франции. На Руси, как известно, эмблему собачьей головы носили опричники Ивана Грозного. Собачья голова, притороченная к седлу коня опричника, символизировала его слепую преданность царю. (Считается, что именно из-за опричнины к символу собаки негативно относилась Русская православная церковь, осуждавшая кровавый террор стремившегося к единоличной власти Ивана IV.) У М. Булгакова собачье сердце символизирует ген рабской преданности, которая, в свою очередь, предполагает слепое исполнение чужой воли, воли хозяина (Швондера). В повести «Внук доктора Борменталья» собачье сердце символизирует доброту, отзывчивость и отсутствие человеческих пороков. Дружков подчиняется природному инстинкту, смысловое наполнение которого близко просветительской концепции «естественного человека» Ж.Ж. Руссо.

Обращает на себя внимание то, что просветительский аспект проблематики обеих повестей связан и с проблемой ответственности учёного за результаты (последствия) своей научной деятельности. Эта проблема в произведении А. Житинского получает парадоксальное, в отличие от повести «Собачье сердце», выражение. Борменталь, как и профессор Преображенский, чувствует свою вину за результат произведённого эксперимента. В обоих произведениях эта вина детерминирована пониманием нарушения закона естественного эволюционного развития природного и социального миров, вмешательства в живую природу, поэтапное формирование социума и отдельно взятой личности. Однако в произведении М. Булгакова основной акцент сделан на результате эксперимента – человекоподобном существе, претендующем на полноту человеческого существования, но в силу своей ограниченности разрушающем все его сложившиеся формы. Профессор Преображенский испытывает чувство вины перед теми, кому Шариков приносит несчастья. В повести А. Житинского Борменталь испытывает вину перед самим этим «экспериментальным существом» (Дружковым), человеком, обрекаемым своим создателем на существование в бесчеловечном, нравственно изуродованном мире.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что произведения М. Булгакова и А. Житинского при явственном наличии большого количества соотносимых структурных элементов, включённых в активную интертекстуальную игру, концептуально различны. Авторская тенденция утверждения незыблемости нравственных законов и принципиальной неизменности культурных традиций в повести М. Булгакова детерминируется только личностным долгом. Благородный мир профессора Преображенского выглядит слишком хрупким на фоне страшных (отражённых и потенциальных) социально-исторических потрясений. Иными словами, авторская интенция связана с болью за незащищённость этого мира и пониманием невозможности утвердить категорию гармонии жизни как высшей цели и ценности человеческого существования. Авторская интенция в повести А. Житинского прямо противоположна: все герои переживают крах надежд. Конец повести пессимистичен: нет ни «вечных звёзд», ни «вечной любви», ни «вечного дома». Везде торжествует всеобщая шариковщина (дурьнышиковщина – *Т.В.-III.*). Но на уровне авторской интенции в произведении заявлен утопический (в контексте сюжета фантастического допущения), но концептуально оформленный тип нового созидательного и порядочного (главное – в единстве этих составляющих) отношения к жизни, способного «обустроить» Россию.

Итак, рассматривая повесть А. Житинского «Внук доктора Борменталья» как структурно-семантический компонент «булгаковского текста», отметим, что в произведении автор использует вариативные трактовки претекстовых образов-персонажей, развивает отдельные сюжетные элементы исходного текста, актуализирует в прямой или диалогической форме «булгаковские смыслы». Интертекстуальные связи между повестью А. Житинского и претекстом осуществляются на уровне ономастических цитат (имена, названия), семантических цитат (отдельные описания, обыгрывание единых проблемно-тематических комплексов), структурных цитат (заимствование фабульных элементов, способов повествования, особенностей композиции, хронотопической организации и т. д.). В целом тип интертекстуальности, выявленный в рассматриваемых произведениях, может быть охарактеризован как реализация механизма «притяжения-отталкивания». Функционирование этого механизма позволяет значительно обогатить «булгаковский код» в русской литературе и включить его в широкий социокультурный контекст.

Summary

T.B. Vasilieva-Shalneva. A. Zhitinskii's Story "Grandson of Dr. Bormental" as a Structural-Semantic Component of "Bulgakov's Text".

The purpose of this paper is to disclose one of the components of "Bulgakov's text" as a literary phenomenon. The study of this phenomenon (along with "Pushkin's", "Gogol's", and other texts) seems to be quite appropriate, as it is among the important problems of modern humanities (intertext phenomenon). The paper uses comparative and typological methods of investigation of M. Bulgakov's "Heart of a Dog" (pretext) and A. Zhitinskii's "Grandson of Dr. Bormental" (sequel). This allows to reveal the palimpsestic nature of A. Zhitinskii's story, as well as to identify the sociocultural plan and game strategy of world modeling in the literary work. The novelty of the research lies in the identification of structural-semantic peculiarities

of A. Zhitinskii's story in the aspect of the intertextual Bulgakov's "code". As the result of the study, it was concluded that annihilation of the sustainable conceptual blocks, which transforms the essence of external and internal attributes of the everyday-existential dominants in relation to the new temporal context, is present in the sequel under study.

Keywords: intertextuality, sequel, spin-off, conceptualization, dialogical game strategy, intention.

Источники

Б – *Булгаков М.* Собачье сердце. – URL: http://modernlib.ru/books/bulgakov_mihail_afanasevich/sobache_serdce/read/, свободный.

Ж – *Житинский А.* Внук доктора Борменталья. – URL: http://modernlib.ru/books/zhitinskiy_aleksandr/vnuk_doktora_bormentalya/read, свободный.

Литература

1. *Харитоновна З.Г.* Формы диалога с М.А. Булгаковым в современной отечественной прозе (1980-е – 2000-е годы): Автореф. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 24 с.
2. Спин-офф // Словарь современной лексики, жаргона и сленга. – URL: <http://argo.academic.ru/4999/спин>, свободный.
3. Палимпсест // Энциклопедия культурологии. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1080/Палимпсест, свободный.
4. *Шкловский В.* Искусство как приём // Шкловский В.Б. Гамбургский счёт. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 58–72. – URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/artpass.pdf>, свободный.
5. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времён. – М.: Эллис Лак, 1995. – Вып. 1. – С. 68–78. – URL: <http://krotov.info/acts/19/1830/1833119.html>, свободный.

Поступила в редакцию
15.01.15

Васильева-Шальнева Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: t.b.vs@list.ru